

Раздел I. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ РАЗВИТИЯ ПРОГРЕССИВНОГО НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Формирование сознания, непосредственно связанного с революционно-освободительным движением, с особой очевидностью выявляет относительную независимость развития общественного сознания в целом, его способность к "опережающему отражению" еще не обнаруживших себя в полной мере тенденций развития социального бытия.

Проблемы социальной детерминации обретают здесь особую остроту. Функционирование духовных регуляторов революционно-преобразующей деятельности, направленной на изменение существующего порядка вещей, связано в первую очередь с поисками новых вариантов общественного устройства, с их осмыслением и отбором. Поэтому существенно важно представить себе, хотя бы в самом общем виде, характер зависимостей развития сознания такого типа вообще и нравственно-этических его компонентов, в частности, от объективных социальных детерминант.

Задача эта определяет необходимость уточнения содержания целого ряда понятий, с помощью которых, по уже давно установившейся традиции в марксистской философии, принято раскрывать зависимости такого рода.

Отметим, что проблематика эта, особенно при ее социально-философском анализе, пожалуй, наиболее сильно, сравнительно с другими областями философской науки, подверглась упрощениям и вульгаризации и в отдаленном (30-е годы), и в недавнем прошлом. Тем не менее именно к тем понятиям, которые, казалось бы, в наибольшей степени были девальвированы и вульгаризированы — к таким, как "социальный интерес", "потребность" и т.д., — ныне проявляется напряженное внимание экономистов, социологов, философов, специалистов ряда других областей знания¹.

При этом вполне понятно, что экономист, социолог, философ — каждый видит содержание этих понятий по-своему, в соответствии со спецификой своей науки, ее предмета, методов и т.д. Однако, думается, современное "единодушие" в обращении различных отраслей научного знания именно к этим понятиям говорит о ключевом их значении. Поэтому целесообразно, с нашей точки зрения, хотя бы кратко остановиться на их содержании в социально-философском плане.

В трудах классиков марксизма-ленинизма мы находим характеристику потребности как нужды, а последняя определяется как практическое выражение необходимости². Потребность, таким образом, в самом

общем виде характеризуется как выражение необходимой связи социального субъекта с объективным миром, выражение зависимости субъекта от мира. Это состояние зависимости обусловлено тем, что для своего существования и развития субъект нуждается в присвоении определенных предметов, во включении в общественные отношения, в освоении различных форм деятельности и т.д. Иными словами, под потребностью в самом общем виде понимается присущая субъекту необходимость в определенных условиях его жизнедеятельности³.

Существенно важно, с нашей точки зрения, отметить, что потребности непосредственно связаны с многосторонней деятельностью социального субъекта во всем ее многообразии — с биологическими и социальными ее аспектами в ее прошлом и настоящем. Именно эти многосторонность и многообразие создают определенную хаотичность, разнонаправленность их воздействия на субъект. Регулятивные возможности потребностей ограничены прежде всего именно этим обстоятельством, т.е. они могут как бы "гасить" друг друга, активно противоборствовать друг другу, затрудняя тем самым выработку единой целенаправленной линии поведения и деятельности. Поэтому основными условиями включения потребностей в регулятивный механизм выступают их отбор, известное упорядочение, преодоление их разнонаправленности, установление их субординации, создание "иерархии потребностей" (Маркс). Следует подчеркнуть, что отбор потребностей, их иерархизация не есть результат их внутреннего, спонтанного саморазвития. Механизмом, осуществляющим отбор потребностей, их субординацию и координацию, а также выбор способов удовлетворения потребностей, соотношения их с возможностями и условиями удовлетворения, и выступает социальный интерес.

Наиболее широкое признание в научной литературе — после длительной и, собственно, до сих пор не завершенной дискуссии, — получила точка зрения, согласно которой интерес понимается как объективное отношение, складывающееся между социальной природой субъекта, его потребностями и условиями жизнедеятельности⁴. Это отношение формируется под воздействием двух групп факторов: положения субъекта в системе общественного воспроизводства, что находит свое выражение в социальной природе данного субъекта, и противоречий между потребностями субъекта и условиями его жизнедеятельности.

Интерес поэтому возникает и развивается, во-первых, как результат известной стабилизации социального положения данного субъекта, — именно тогда вызревает и обнаруживается его социальная природа. Во-вторых, как результат развития противоречия между его потребностями и условиями жизнедеятельности, т.е. условиями удовлетворения потребностей.

В интересе как объективном общественном отношении наиболее существенным, с нашей точки зрения, является его активный избирательный характер: с его помощью осуществляется отбор и иерархизация потребностей, а также выбор способов и средств их удовлетворения.

Подчеркнем в связи с этим, что само соотнесение потребностей с реальными возможностями их удовлетворения может осуществляться как своеобразный прогноз развития и потребностей, и условий их реализации. Кроме того, важно и то, что существует определенное множество способов и средств удовлетворения той или иной потребности, а выбор способов не задан содержанием потребностей. Этот выбор совершается с учетом всего сложного комплекса условий, в том числе и выходящих за пределы потребностной сферы. Точно так же не определяется содержанием потребностей и последовательность их удовлетворения. От интенсивности и характера процесса соотнесения потребностей с предметами их удовлетворения во многом зависит развитие самих потребностей. Предметный характер, т.е. направленность на конкретный предмет удовлетворения, не составляет собой, как известно, изначального состояния потребностей, а является результатом их некоторого развития. Именно на этой своей фазе, т.е. становясь предметной, потребность и может выступать как регулятивный фактор⁵.

Интерес и выступает как своеобразный механизм регуляции самой потребностной сферы, хотя сам он складывается и развивается под ее влиянием. Избирательная же направленность интереса ориентирована на выбор значимого для данного субъекта с точки зрения его самоутверждения. Под социальным самоутверждением субъекта понимается становление, развитие и воспроизведение его как субъекта деятельности и общения, закрепление, защита его социального положения и достигнутых условий развития⁶. Когда речь идет о чем-то значимом для данного субъекта, имеется в виду значимое для социального самоутверждения данной личности. Широко известно важнейшее в методологическом плане положение о природе интереса, где подчеркивается, что "...общий интерес существует не только в представлении, как "всеобщее", но прежде всего он существует в действительности в качестве взаимной зависимости индивидов, между которыми разделен труд"⁷.

Интерес данного социального субъекта (класса, социальной группы и т.д.) и выступает как механизм выбора наиболее значимого с точки зрения самоутверждения индивидов, входящих в это целое. Так обеспечиваются существование, функционирование и сохранение данного целого. С учетом задачи воспроизводства именно данного целого из многообразия в разной степени нейтральных к данной задаче потребностей совершается их отбор, иерархизация, отбор способов и сроков их удовлетворения в соотнесении со значимостью всех этих моментов для решения задачи сохранения развития и воспроизводства данного целого, т.е. его самоутверждения. Социальный интерес, таким образом, корректирует процесс удовлетворения потребностей в данном направлении.

Следует коснуться еще одного момента отношений между потребностями и интересами. А.И. Титаренко указывает, что "в интересах органически сочленяются потребности личности и общественные потребности в определенной социально-исторической направленности их развития..."⁸. Исследователь фиксирует здесь диалектику потребностей

различного уровня субъектов — индивидуального и надындивидуального — в их отношении к интересам.

В научной литературе высказывается точка зрения, согласно которой соотношение понятия "интерес" с процессом удовлетворения потребностей социального субъекта, а через него — с задачей самоутверждения последнего, интерпретируется как проявление утилитаристского подхода в трактовке интереса⁹. Противопоставляя процесс удовлетворения потребностей творческой направленности человеческой деятельности, данная позиция рассматривает сферу интересов как сферу отношений социальных субъектов по поводу реализации объективных возможностей общественного процесса. Избирательный характер интереса в этой связи интерпретируется именно как механизм выбора из многих возможных какого-то одного направления развития объективного исторического процесса¹⁰. В этом стремлении рассмотреть интерес в контексте избирательной творческой направленности человеческой деятельности содержится, думается, интересный момент в исследовании данного понятия. Однако вызывает недоумение само противопоставление данного аспекта другому — рассмотрению интереса в соотношении его с иными понятиями, с помощью которых возможно представить себе всю цепочку "пусковых механизмов" выбора и реализации тех или иных возможностей исторического развития.

Говоря о детерминации общественного сознания объективными процессами, классики марксизма писали: "...люди, производящие общественные отношения соответственно своему материальному производству, создают также и *идеи и категории*, то есть отвлеченные, идеальные выражения этих самых общественных отношений"¹¹. Можно думать, что участие интересов в процессе создания "идеального выражения" данных общественных отношений состоит прежде всего в иерархизации системы потребностей, отображающих особо значимые для субъекта общественные отношения. Именно эти отношения фиксируются и идеально воспроизводятся субъектом, а не просто все общественные отношения, существующие в данном обществе, в данный момент его истории. Иными словами, для того, чтобы найти свое выражение в сознании субъекта, общественные отношения должны сами "пройти отбор" на значимость для него, составить в связи с этим определенную систему, получая при этом способность особым образом определять содержание и форму продуктов сознания. Только в этом случае это сознание может стать необходимым элементом функционирования и развития данной системы общественных отношений. Для своего участия в этом процессе сознание должно вместить определенное содержание, принять определенную форму, и только в этом случае может быть обеспечено воспроизводство данных общественных отношений.

В русле нашей проблематики существенно важно остановиться на анализе вопроса о специфике выражения социальных интересов в нравственном сознании. Прежде всего следует сказать, что эта форма общественного сознания имеет непосредственное отношение к большой

группе духовных интересов, т.е. интересов, "направленных на производство, усвоение и распространение духовных ценностей"¹². Естественно, что особое значение здесь приобретают нравственные ценности, к которым, как это вполне понятно, нравственное сознание имеет непосредственное отношение. Однако следует выделить некоторые грани этой проблемы. Известно, что нравственному сознанию присуща относительная независимость по отношению к различным интересам, то, что иногда не вполне точно называют незаинтересованностью. Последнее наиболее отчетливо проявляет себя в нравственной мотивации, что создает определенное расхождение между действительным объективным содержанием тех или иных человеческих поступков и субъективно-личностным их осмыслением. Это находит свое выражение, например, в том, что "незаинтересованная" мотивация может функционировать на базе различных, даже принципиально различных в социально-содержательном плане нравственных систем. Поэтому так важно, например, фиксировать личное бескорыстие представителей тех или иных консервативных социальных групп и т.д.

В связи с этим, думается, важно подчеркнуть, что для выражения социальных интересов в нравственном сознании особо существенна та или иная иерархия интересов и, в частности, место в этой иерархии интересов общества как целого. Эта особая значимость диалектики общего и отдельного находит свое выражение, в частности, в том, что именно в сфере нравственного сознания с наибольшей определенностью действует специфическая разнонаправленность индивидуального и общественного сознания. Так, чтобы оставаться в пределах нравственности, индивидуальное сознание должно быть в той или иной степени ориентировано на общий, а не на личный интерес, в то время как общественное сознание — на наиболее гармоничное сочетание общественного и личного. При этом предполагается, что в каждом конкретном случае — в тех или иных условиях по-разному — эта разнонаправленность нацелена на то или иное согласование общего и отдельного. Иначе нравственность просто не сможет выполнять свои регулирующие функции. И здесь в качестве специфических способов, с помощью которых выявляются возможности сохранения нравственностью этого своего регулирующего влияния, выступают ряд моментов, среди которых особое место принадлежит тому, что можно было бы назвать механизмом "присвоения", т.е. осознания данного интереса как "своего", "нашего", "моего" и т.д. Как свидетельствуют многочисленные исследования, в том числе и этнографические, оппозиция "мы" и "они" и соответственно "наше" и "чужое" составляла собой одну из важнейших и исторически наиболее ранних форм развития самосознания социальных групп. При этом данная оппозиция имела выраженную нравственно-этическую ценностную окраску: "наше" отождествлялось с "хорошим", "добрым", а "чужое", "их" — с "плохим", "злым". Об этом свидетельствуют многочисленные исторические данные и художественное творчество народов мира¹³. При этом интересы тех или иных социальных групп принимаются или выдаются за

универсальные, всеобщие. Известно, что принципиальная постановка и решение этого вопроса принадлежат марксизму, впервые материалистически истолковавшему само понятие социального интереса, раскрывшему "механизм выдавания частного интереса за всеобщий". Как известно, это явление чаще всего имеет место в двух ситуациях: во-первых, когда интересы той или иной социальной группы объективно совпадают с интересами поступательного развития общества в целом; во-вторых, когда речь идет об интересах отживших социальных групп, пытающихся "остановить время". В первом случае скорее можно говорить о своеобразном тождестве содержания интересов. О выдавании частного за всеобщее речь идет в подлинном смысле лишь в ситуациях второго рода. Конечно, это очень приблизительная, огрубленная типология. Важно отметить, что во всех случаях, особую роль играет нравственное сознание, категории которого представляют собой ту общезначимую форму, на базе которой становится возможным либо выявление и осознание действительного, хотя и временного, единства, либо создание иллюзии такого единства при его отсутствии.

Однако с чем может быть связан этот общезначимый язык категорий нравственности? Почему именно эта форма общественного сознания, а не другая, скажем, политическое сознание, обладает относительной общезначимостью содержания понятий и категорий? Думается, что наличие общезначимых элементов, которые, однако, сосуществуют с элементами, достаточно последовательно выражающими групповые, классовые интересы и т.д., в нравственном сознании связано, в первую очередь с тем, что оно по преимуществу творится массой, а не отдельными идеологами. Теоретический же уровень морали — этика, творимый, как правило, в большей мере, чем другие ее слои, идеологами, характеризуется известным своеобразием: он принадлежит, можно сказать, одновременно и философии, и нравственности. Иными словами, этика — это и этическое сознание, особым образом выполняющее общие функции нравственного сознания в целом, и этическое знание, содержащее результаты познания сущности нравственности как социального явления^{1 4}. Массовость нравственного творчества не могла не найти отражения в содержании нравственного сознания, своеобразно предопределив относительную сущность именно общезначимых его элементов.

Следовало бы в связи с этим указать на отсутствие специфически нравственной деятельности: поэтому нравственное сознание по самой своей природе характеризует все виды человеческой деятельности, растворено в них, вносит в них определенное универсальное начало и смысл. Кроме того, нравственное сознание регулирует многообразие человеческой деятельности, выявляя ее человеческое единство, общее человеческое содержание. В этом плане нравственные регуляторы призваны поддерживать постоянное относительное единство и целостность как общества в целом, так и связь отдельной личности, отдельных социальных групп с обществом и т.д., устанавливая между ними определенную корреляцию. Эти интегрирующие моменты, присущие самой природе нравствен-

ных регуляторов, и создают, думается, предпосылки общезначимого в нравственном сознании. При этом, как мы уже говорили, общезначимое сложно соотносится здесь со всем, что связано с классовым, групповым, сословным, профессиональным и т.д. многообразием реального общественного процесса, чутко отражаемым во всем богатстве и неповторимости нравственным сознанием на всех его уровнях.

В связи с обсуждением вопросов о характере выражения социальных интересов в общественном сознании в целом, и специфически — в нравственности, следует коснуться еще одной проблемы. Дело в том, что само соответствие содержания и формы духовных явлений социальному интересу корректируется, кроме других факторов, еще и внутренней логикой развития самой данной формы общественного сознания, требованием внутренней целостности теоретико-идеологической системы. Известно, что, сложившись, духовные образования этого рода подчиняются требованиям внутренней упорядоченности.

В связи с этим требование логической непротиворечивости выступает в виде того предела, к которому стремится логическая структура той или иной идеологической системы. Поэтому реальное существование и развитие духовных, в частности идеологически-теоретических, явлений постоянно содержит противоречие между тенденцией к релевантности данной системы социальным объективным детерминантам (соответствия интересам!) и тенденцией к внутренней упорядоченности, в пределе — внутренней непротиворечивости. Каждая из форм общественного сознания разрешает это противоречие своими, присущими ей средствами. Говоря же о нравственном сознании, следует, с нашей точки зрения, в этой связи обратить внимание прежде всего на такой его элемент, как нравственная мотивация. Исследовавшая природу его, Г.Ф. Карвацкая справедливо подчеркнула наличие различных типов целостных систем нравственной мотивации^{1 5}. Думается, что именно через системы нравственной мотивации в соответствии с логикой их типов совершаются преодоление, разрешение, в той или иной степени последовательное, постоянно возникающих противоречий между требованием соответствия системы мотивов внешним детерминантам и потребностью внутренней упорядоченности (внутренней обоснованности мотивов) системы нравственного сознания. Остановившись на проблематике, связанной с особенностями выражения содержания социальных интересов в нравственном сознании, мы хотели бы обратить внимание на то, что это в какой-то мере проливает свет на специфику социальной детерминации общественного сознания, критически отвергающего наличное социальное бытие, в первую очередь — революционного сознания. Дело в том, что именно с нравственным неприятием, осуждением наличного общественного устройства, отдельных его элементов, осознаваемых как несправедливые, может начинаться развитие социально-критического сознания. Конечно, на этом такое развитие может и кончаться, не переходя к формированию социально-философских, политических и других аспектов нового сознания. Поэтому можно думать, что характер социальной детерминации

такого специфического духовного феномена в чем-то повторяет особенности, присущие нравственному сознанию в целом. Однако, кроме того, следует обратить внимание и на ряд специфических черт этого процесса, прежде всего связанного со спецификой развития нравственного сознания, критически отвергающего наличную социальную реальность. Это своеобразие можно увидеть прежде всего в том, что в данном случае происходит решительное и остроконфликтное отрицание традиции, в том числе и традиции нравственной. Соответственно ставится задача обоснования социальной деятельности не на основе традиционной морали. Критическая переоценка ценностей, интенсивно происходящая в ходе такого процесса, делает особо значимой роль этической теории. Именно этическая теория активно вторгается в развитие нового нравственного сознания, существенно поднимая значимость в нем рационалистически-рефлексивного момента. Исследователи давно отмечали, что активный процесс выработки новых моральных ориентиров предполагает возрастающее участие в этом процессе этической теории¹⁶. Поэтому условно для удобства обозначения таких нестандартных форм сращения собственно нравственных и теоретико-этических компонентов, какие складываются в условиях становления нового критически-революционного сознания, можно обозначить их как нравственно-этическое сознание.

Каковы же специфические особенности процессов социальной детерминации в развитии этих вариантов нравственного сознания? В первую очередь, видимо, нужно отметить, что особый отпечаток здесь накладывает факт немногочисленности тех социальных общностей, которые активно участвуют в критически-революционной деятельности. Консолидация этих групп означает в той или иной степени, особенно в исследуемом нами историческом периоде, разрыв со своим классом. Именно прежде всего в форме нравственно-этического сознания и совершался, по-видимому, этот отход от своего класса, во многих случаях достаточно драматично переживаемый. Думается, что все эти моменты, и особенно немногочисленность таких общностей, усложняют процесс развития группового сознания. Как нам представляется, массовость процесса, относительная многочисленность групп, выступающих в качестве непосредственных носителей нового сознания, — все это создает определенные предпосылки для стихийного "выравнивания" линии духовного развития, ее большего сближения — при всех возможных флуктуациях — с общим руслом развития объективных детерминант. Видимо, это можно объяснить более широким спектром возможных вариантов, которые, влияя друг на друга, создают достаточно стабильную общую равнодействующую, более или менее соответствующую объективным детерминирующим факторам. Если же непосредственные участники социального движения немногочисленны, то развитие духовных явлений, содержание которых составляет осознание целей и задач движения, существенно осложняется. Осложняет этот процесс и существенное несовпадение объективного содержания революционно-преобразующей деятельности с

интересами тех классов и социальных групп, из которых вышли непосредственные участники движения, носители и субъекты нового сознания.

Можно полагать, что в этих условиях с особой силой и выразительностью проявляются моменты относительной независимости общественного сознания. Следует сказать, что, развиваясь и складываясь, специфическое духовное образование, условно нами обозначенное как нравственно-этическое сознание, выступает, особенно на первых порах, в качестве регулятора не всей системы жизнедеятельности данных социальных общностей, а в первую очередь определенной стороны этой жизнедеятельности, а именно — внебытовой, исторически значащей стороны, непосредственно связанной с сознательным участием этих общностей в критически-революционной деятельности. Хорошо известно, что даже в бытовой сфере, не выходя за пределы повседневного обихода, люди, сами того не зная, совершают действия, которые могут влиять на социальное бытие. Отношения между целями и возможными результатами общественных движений иные. Цели такой деятельности сознательно ориентированы в той или иной мере на исторически значимые результаты, т.е. в данном случае — на радикальное изменение общественных условий. Историческая значимость поступка становится фактором целеполагания и мотивации деятельности. Именно поэтому нравственно-этическое сознание регулирует в первую очередь именно исторически значимые стороны деятельности данного социального субъекта. В связи с этим следует отметить особую идеологическую окрашенность этой разновидности нравственного сознания сравнительно с другими его формами существования. Особенно наглядно проявляется это в мотивационной сфере: мотивация здесь существенно окрашена идеологически, ведущая роль принадлежит мотивам, непосредственно связанным с идеологическими принципами. Не случайно, что зачастую революционное нравственное сознание дает своеобразное сращение этических и политических идей, которое Г.В. Плеханов удачно назвал "переходом морали в политику"¹⁷. Позднее происходит проникновение нового нравственного сознания и в сферу быта его носителей, которая так же подчиняется соответствующим идеологическим и этико-политическим принципам. С этого времени бытовое поведение приобретает иное значение, принимается во внимание при общей характеристике жизнедеятельности человека, при оценке его личности и т.д.

Таким образом, можно предполагать, что особо тесная связь нравственно-этического сознания именно с исторически значимой деятельностью социального субъекта создает предпосылку для выражения в нем новых, складывающихся социальных интересов, еще не получивших развития в наличном бытии.

Характеризуя развитие нравственного сознания, связанного с революционно-освободительным движением, можно выделить еще одну его особенность. Многочисленные исторические свидетельства говорят о том, что здесь имело место специфическое соотношение между "словом" и "делом", образом мысли и образом жизни, наблюдалась некоторая

тенденция организовать образ жизни "по теории", непосредственно перенести новые этические идеи и принципы в образ жизни. Известно, что разрыв между теорией и практикой, жизнью и идеалом может быть разным. Определяется это спецификой социокультурной среды, уровнем общественной потребности в социальной активности и т.д. Не исключено, что сама малочисленность социально активных сил в данной исторической ситуации как бы компенсировалась интенсивным стремлением этих людей действовать, напряженностью самой потребности в этом. Коммуны народников, массовый отказ прогрессивно настроенной молодежи от образа жизни материально обеспеченных слоев — таковы широко известные факты, свидетельствующие о своеобразном взаимопроникновении новых этических идей и нового образа жизни.

Можно предполагать, что сам темп движения теории к практике во многом определяет меру относительной самостоятельности развития духовных явлений. Особое сопряжение идей и образа жизни при таких попытках непосредственного и немедленного воплощения идей в жизнь, которая существенно отличалась от этих идей, оказывало подчас нестандартное влияние на развитие идей, провоцировало к большей конкретизации этих идей. И что особенно важно, это в определенном смысле создавало иллюзии практической проверки тех или иных звеньев теории, которые по своему характеру и уровню абстрактности были просто неverified в практике локальных и немногочисленных общностей. Сама ограниченность подобного социального эксперимента, искусственность его, зачастую неосознаваемая, отрывала теорию от реального бытия, провоцировала "свободное парение" идей. Хотя вместе с тем следует сказать, что именно это нетерпеливое стремление революционеров построить свою жизнь в соответствии с идеалом позволяло в той или иной степени осуществлять начальную апробацию этих идеалов, целей, ценностей своеобразным жизненно-практическим критерием, каким является образ жизни и далее — на еще более конкретном уровне — стиль жизни отдельной личности. Таким образом, даже краткий анализ специфики развития нравственного элемента нового критически-революционного сознания говорит о значительной относительной самостоятельности его по отношению к объективным социальным детерминантам.

И все же даже самое оторванное от земных нужд духовное явление детерминировано социальными процессами. Нравственно-этическое сознание, как и в целом социально-критическое, отрицающее наличное бытие сознание, выражает те объективные отношения, которые связаны с борьбой за реализацию различных возможностей исторического развития как объективных тенденций.

Как мы уже отмечали, неоднозначность процесса социальной детерминации общественного сознания, пожалуй, наиболее отчетливо проявляется именно в рассматриваемом случае, т.е. тогда, когда речь идет об исторических примерах становления революционного сознания, на основе которых мы можем объяснить специфику социальной детерминации высших духовных явлений.

В этой связи следует, с нашей точки зрения, обратить внимание на перспективный подход к истолкованию этого феномена на материале истории революционного движения России, осуществленный И.К. Пантиним, Е.Г. Плимаком и В.Г. Хоросом в книге "Революционная традиция в России", где последовательно была развернута и обоснована мысль об интернациональном, точнее — транснациональном содержании революционной теории и, соответственно — транснациональном характере ее детерминации¹⁸.

Рассматривая историю революционной теории в России на основе концепции об эшелонах мирового капитализма, авторы указанной работы приходят к выводу об опережающем экономические и социальные процессы развития революционного сознания¹⁹. Авторы объясняют этот феномен процессом взаимовлияния национальных и интернациональных моментов исторического развития²⁰. Думается, авторы правы не только в оценке данного исторически-конкретного случая, но и в более общем, методологическом плане.

Специфика социальной детерминации революционного сознания вообще и в условиях отсталых стран в особенности не может быть правильно понята без учета тех влияний, зачастую решающих, которые оказывает на развитие этого сознания мировой революционный опыт. В этой связи существенно важно вспомнить постановку К. Марксом вопроса о содержании немецкой классической философии как немецкой теории французской буржуазной революции²¹.

Обсуждая вопросы социальной детерминации, относительной самостоятельности революционного сознания, следует, с нашей точки зрения, коснуться еще одной грани этой проблематики. Дело в том, что вопросы, связанные с природой этого феномена, дают возможность наиболее рельефно представить себе закономерности и пути выхода человека за рамки задач воспроизведения уже существующего типа общественных отношений, выхода за пределы адаптивно-приспособительных задач вообще.

В этой связи необходимо сказать о природе ценностей и их связи с интересами. Проблематика эта активно обсуждается в литературе, где высказываются различные мнения по ряду вопросов, связанных с природой ценности²². Мы присоединяемся к тем авторам, которые рассматривают ценности как объективные социальные свойства явлений (и материальных, и идеальных), порождаемые процессом вовлечения данных явлений в зоны действия тех или иных социальных интересов. Именно включенность данных явлений в зоны действия интересов как объективных отношений, их функционирование в этом качестве и порождает ценности как их новые свойства, суть которых — в способности участвовать в процессе целенаправленного удовлетворения потребностей, особым образом организуя этот процесс, соотнося его с ближайшими и отдаленными целями. Осознанием этих новых объективных свойств является ценностное сознание, представляющее собой элемент осознания субъектом своих интересов. Для того чтобы более четко представить

себе характер участия ценностей и ценностного сознания в деятельности, приведем очень простой пример. Хорошо известно, как радикально может меняться человеческое отношение, например, к хлебу — от бережно-внимательного, когда приходится считать его на граммы, до небрежно-расточительного, когда его много и он дешев. Ценностное регулирование в этом случае имеет возможность обеспечить бережное отношение к хлебу не только тогда, когда человека к этому принуждает элементарный голод, но и тогда, когда наблюдается изобилие. Такая целенаправленность и непрерывность в человеческом поведении и деятельности могут быть обеспечены именно особого рода — ценностными — регуляторами.

Касаясь вопроса об относительной самостоятельности ценностей, о характере этой самостоятельности, важно подчеркнуть, что она обусловлена не какими-либо случайными причинами, а самой природой ценностей, тем, что ценность — это "превращенная форма" социальных отношений²³. Исследуя Марксово понимание сущности "превращенной формы" и ее роли в человеческой практике, М.К. Мамардашвили обращает внимание на то, что обладая специфическими возможностями делать наглядным для субъекта социальной системы "наглядно непредставимое", превращенная форма может обеспечивать относительно эффективную деятельность данного субъекта, в соответствии с законами данной системы, даже при незнании им этих законов при определенных условиях²⁴. Такой подход проливает свет на возможности ценностного регулирования человеческой деятельности. Однако эта относительная самостоятельность ценностей, фиксированная уже неокантианцами и абсолютизированная ими, не означает того, что ценности, во-первых, обладают сущностной автономностью, а во-вторых, в одинаковой степени относительно независимы и от интересов, и от потребностей. Различные ценности обладают различной степенью такой самостоятельности. Будучи в определенном отношении зависимыми от интересов, а через них — от иерархии потребностей, ценности, думается, выступают, в свою очередь, как фактор, влияющий на систематизацию и иерархизацию интересов. В этом смысле прав А.Г. Здравомыслов, считающий, что ценностное регулирование — более сложный уровень регуляции, чем тот, что связан с регулятивными возможностями интересов²⁵.

Однако современное повышенное внимание исследователей к проблеме интересов, к их значению для человеческой активности свидетельствует, думается, и о том, что в нашей теории и практике до недавнего времени существовала известная переоценка относительной самостоятельности, независимости ценностей от интересов, переоценка регулятивных возможностей ценностей и ценностного сознания вообще, когда влияние через пропаганду и агитацию на сознание человека представлялось чуть ли ни всемогущим, безотносительно к тому, удовлетворяются ли при этом самые элементарные человеческие потребности и интересы.

Регуляция активности, не продиктованной непосредственным влиянием наличной ситуации, способность человеческого сознания "отры-

вать" человека от наличного бытия и тем самым стимулировать преобразовательную деятельность — в той или иной мере присущи всем формам общественного сознания. Однако, как справедливо подчеркивается исследователями, "...в моральном способе освоения действительности эта способность приобретает особую роль — она становится сущностным определением, конституирующим признаком. Диалектика сущего и должного — принцип морального отношения к действительности, характерная его черта"²⁶.

Обсуждая проблемы социальной детерминации общественного сознания в целом и особенно такого сложного его феномена, как революционное сознание, нельзя не рассмотреть, хотя бы кратко, вопросы его детерминации. Дело в том, что при всей методологической значимости категории социального интереса, сама по себе она дает лишь очень абстрактное представление о характере тех многообразных влияний, которые испытывает общественное сознание со стороны объективных социальных детерминант. Поэтому достаточно широко распространены, особенно в популярной литературе, ссылки на интересы тех или иных социальных групп при интерпретации определенных духовных явлений зачастую не столько что-то объясняют, сколько создают видимость объяснения. Поэтому в каждом конкретном случае, выясняя содержательные зависимости такого рода, мы должны, видимо, не просто ссылаться на чьи-то интересы, но пытаться проследить, как объективные детерминанты преломляются в ценностях. А это, в свою очередь, обязывает изучать сложные зависимости, где каузальные связи переплетаются с детерминирующими влияниями некаузального порядка типа "синхронной детерминации", которые, однако, не являются случайными, а следовательно, тоже должны быть учтены. В этом плане заслуживают внимание соображения, которые высказывались в литературе по проблемам социокультурной детерминации научного знания относительно некоторых механизмов такой детерминации и т.д.²⁷

Плодотворным, например, представляется рассмотрение особой роли различного рода организаций в развитии духовных явлений вообще и научного знания в частности. Так, например, Е.А. Мамчур подчеркивает различное по своему характеру влияние разных типов организаций: например, неформальных (т.е. спонтанно возникающих), относительно сплоченных образований типа "невидимых колледжей" и слабо связанных, "рассеянных" общностей, обязанных своим существованием социально-психологической атмосфере того или иного культурного окружения²⁸. Существование в рамках одного и того же культурного социума организаций разного рода составляет сложную картину детерминации реальной духовной жизни. В дальнейшем, исследуя конкретные формы развития общественного сознания, связанного с освободительным движением в России XIX в., мы попытаемся рассмотреть и специфику тех организационных моментов этого движения, которые своеобразно опосредовали собой влияния фундаментальных социальных детерминант.

К разделу I

¹ См., напр.: *Смирнов Г.Л.* Революционная суть перестройки. Социально-философский очерк. М., 1987; *Семенов В.С.* Диалектика развития социализма. М., 1987; *Уледов А.К.* Перестройка и сознание. М., 1988; и др.

Об интересе экономистов к этим понятиям свидетельствуют, например, материалы дискуссий о противоречиях социалистической экономики и т.д. См.: Вопросы экономики. 1987. № 5; и др.

² См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 134; Т. 3. С. 29; Т. 26. Ч. 1. С. 412.

³ См.: *Здравомыслов А.Г.* Потребности, интересы, ценности. М., 1986.

⁴ См., напр., работы Т.С. Арефьевой, Е. Вятра, Г.М. Гака, Г.Е. Глезермана, В.Н. Лавриненко, Г.Л. Смирнова, Д.И. Чеснокова, Ю.К. Плетникова, В.П. Фофанова и других авторов.

⁵ См.: *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы, эмоции. М., 1971. С. 2–6.

⁶ См.: *Лавриненко В.Н.* Проблема социальных интересов в ленинизме. М., 1978. С. 20–21.

⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 31.

⁸ Моральный выбор. М., 1980. С. 116.

⁹ См.: *Ханипов А.Т.* Интересы как форма общественных отношений. Новосибирск, 1987.

¹⁰ См. там же. С. 132–160.

¹¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 408–409.

¹² *Лавриненко В.Н.* Цит. соч. С. 121.

¹³ См., напр.: *Malinowski B.* Crime and Custom in Savage Society. N.Y., 1926; *Znanięcki F.* Nauki o kulturze. Warszawa, 1971; *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1966; *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М., 1973; *Перишиц А.И.* Проблемы нормативной этнографии. М., 1979; *Кол И.С.* Введение в сексологию. М., 1988; и др.

¹⁴ См.: *Кобляков В.П.* Этическое сознание. Л., 1979.

¹⁵ См.: *Карвацкая Г.Ф.* Моральная мотивация сознания и поведения // Вопросы философии. 1982. № 11.

¹⁶ См.: *Харчев А.Г.* Этика и мораль // Предмет и система этики. Москва–София, 1973. С. 88; *Гусейнов А.А.* Введение в этику. М., 1985. С. 20–32.

¹⁷ *Плеханов Г.В.* Соч. М.-Пг., 1923. Т. VII. С. 68.

¹⁸ См.: *Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.* Революционная традиция в России. М., 1986.

¹⁹ См. там же. С. 83.

²⁰ См. там же. С. 87.

²¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 88.

²² Обстоятельный обзор и критика различных позиций по этому вопросу имеются в интересной книге украинского социолога А.А. Ручка "Ценностный подход в системе социологического знания" (Киев, 1987. С. 123–133 и др.).

²³ См.: *Донцов А.И.* Проблемы групповой сплоченности. М., 1979. С. 68–73.

²⁴ См.: *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984. С. 78–79.

²⁵ См.: *Здравомыслов А.Г.* Цит. соч. С. 160–162.

²⁶ Мораль: сознание и поведение. М., 1986. С. 19.

²⁷ См. напр.: Социальная детерминация познания, Тезисы докладов научной конференции. Тарту, 1982; Социальная природа познания. Тезисы докладов научной конференции. Тарту, 1985; и др.

²⁸ См.: *Мамчур Е.А.* Проблемы социокультурной детерминации научного знания. М., 1987. С. 40–44.